

На правах рукописи

Колчанова Юлия Сергеевна

**Жизненные миры советских инженеров в 1930-ые гг. (по материалам
оборонных заводов Западного Урала)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2018

Работа выполнена на кафедре культурологии и философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный институт культуры»

Научный руководитель: **Доктор исторических наук, профессор
Лейбович Олег Леонидович**

Официальные оппоненты: **Красильников Сергей Александрович,**
доктор исторических наук, профессор,
ФГБУН Институт истории Сибирского
Отделения Российской Академии наук (г.
Новосибирск), ведущий научный
сотрудник сектора истории социально –
экономического развития

Колдушко Анна Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Пермский национальный
исследовательский политехнический
университет», доцент кафедры
государственного управления и истории

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский
университет»**

Защита состоится 22 мая 2018 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=276902>

Автореферат разослан « _____ » 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент
Шаманаев Андрей Васильевич

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Советское общество в сталинский период, несмотря на всю свою противоречивость, являлось обществом *modernity*. Главным содержанием эпохи были явления и процессы, обусловленные форсированной индустриализацией, характер и облик которой задавал тон всему предвоенному десятилетию. В среде участников индустриализации значительную роль играли советские инженеры, пришедшие на смену старой технической интеллигенции. В современной историографии сложилась определенная традиция изучения этой социальной группы. Инженеров исследовали в контексте социально-экономических макропроцессов либо систем. Их описывали языком концепций модернизации, формационного перехода и, преимущественно в институциональном ключе.

Современное гуманитарное знание позволяет сместить фокус исследования на их личностные характеристики, проявления субъектности во всем многообразии практик советского человека. Эти практики были не только продуктом коллективного и заданного опыта, но и индивидуальной биографии, самоконструирования собственного «Я», сложного процесса рецепции прошлых культур в ситуации творения нового социального мира.

Перемещение исследовательского фокуса предполагает выбор соответствующей объяснительной концепции. В данном случае - концепции повседневности и микроисторического подхода с присущим ему инструментарием: скрупулезный поиск и «разглядывании под микроскопом» отдельных деталей и мелочей, обнаружение автоматизмов мысли и действия, проявления рефлексии и эмоций, вместе образующих уникальный жизненный мир человека. Эвристические возможности подобного подхода позволяют увидеть субъективную сторону исторического процесса, придать процессу индустриализации человеческое измерение, показать богатую палитру практик и ментальных особенностей, формировавших социокультурный контекст советской действительности.

Актуальность исследования жизненного мира советских инженеров эпохи индустриализации обусловлена, прежде всего, антропологическим поворотом в современном гуманитарном знании, что предполагает взгляд на историю культуры глазами ее творцов, «разносчиков», свидетелей, потребителей.

В диссертационном исследовании речь пойдет об инженерах первого советского поколения. Вместе с другими участниками большого социалистического проекта – «ответственными работниками», совслужащими, рабочими, колхозниками, т.н. «уголовным элементом» и лагерным населением, они строили «дивный новый мир» (О.Хаксли) с особой системой ценностей, причудливым набором норм и правил, с разветвленной системой символов и множеством практик.

Категориально-понятийный аппарат концепции повседневности далеко не в полной мере адаптирован для нужд исторических исследований советской эпохи. В этой связи настоящее диссертационное исследование жизненного мира советских инженеров представляет собой проект, не бесполезный для дальнейших научных изысканий в области советской социальной истории.

Степень разработанности проблемы в исторической литературе.

Тема становления советского инженерного корпуса в годы первых пятилеток уже несколько десятилетий разрабатывается отечественной и зарубежной исторической наукой. Особенностью исследовательских подходов к этой теме можно считать сильное воздействие социологического знания на изучение исторических сюжетов. Научный интерес представляет изучение не только структуры советского общества как целого социального организма, конструируемого в контексте экономической модернизации 1930-х гг., но и социальные позиции технической интеллигенции в этой структуре.

Исследования советских историков проводились под мощным воздействием идеологических формулировок, вошедших в политическую культуру советских граждан в 1930-е гг. В период сталинской

индустриализации властный дискурс определял легитимный образ стратификации общества. Социальные итоги экономического развития страны в период первых пятилеток были подведены Сталиным в докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. Им были названы изменения классовой структуры, связанные с исчезновением «эксплуататорских» классов «помещиков», «капиталистов», «кулаков», «купцов и спекулянтов»¹. Основными структурными компонентами нового общества были признаны рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция, равноправно участвующие в строительстве «нового, бесклассового социалистического общества». С точки зрения власти в лице Сталина, достижением социальной динамики было перерождение «старой заскорузлой» интеллигенции в новую «трудовую», включающую научно-технических работников, «работников культурного фронта» и «служащих вообще»².

Окончательный вывод о социальном статусе интеллигенции И.В. Сталин объявил весной 1939 г. в докладе ЦК на XVIII съезде ВКП(б). Он объявил интеллигенцию важной социальной группой в структуре советского общества, и осудил недоверчивое и презрительное отношение к ней. Власть в лице секретаря ЦК охарактеризовала советскую интеллигенцию «народной, социалистической», отличной своим генезисом, составом и «физиономией» от старой, буржуазной интеллигенции: «К старой, дореволюционной интеллигенции, служившей помещикам и капиталистам, вполне подходила старая теория об интеллигенции, указывающая на необходимость недоверия к ней и борьбы с ней. Теперь эта теория отжила свой век и она уже не подходит к нашей новой, советской интеллигенции. Для новой интеллигенции нужна новая теория, указывающая не на необходимость дружеского отношения к ней, заботы о ней, уважения к ней и сотрудничества

¹ Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сталин. И.В. Сочинения. Т.14. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 123.

² Там же. С. 124.

с ней во имя интересов рабочего класса и крестьянства»³. Признание советской интеллигенции значимой социальной группой – социалистической по своей природе и положению в советском обществе, можно расценивать как важный сдвиг в политической культуре руководящей группы. В агитационных брошюрах, изданных после XVIII партийного съезда, этот тезис Сталина был представлен партийной общественности⁴. Со временем эта идея проникла в толщи номенклатуры.

Объектом научных исследований техническая интеллигенция становится в 1960 – 80-е гг. Историографическая традиция этого периода унаследовала официальный подход к интеллигенции, сформулированный еще в 1930-е гг. В этом определении советская интеллигенция уже не обозначается как «прослойка». Она представлена как «социальный слой» - синонимически определению социальной группы с собственной внутренней структурой и профессиональной спецификой.

В советской исторической науке сложилось два основных исследовательских направления (школы): институциональное и социологическое⁵. Ведущее место среди них принадлежит институциональной школе, в рамках которой взгляд историков фокусировался, преимущественно, на активном участии советской технической интеллигенции в индустриальном проекте. Институциональный подход рассматривает народное хозяйство как целостную социальную систему, состоящую из множества институтов с присущими им функциями. Практическая роль технических специалистов в формировании нового общества заключалась в их активном участии в научно-техническом прогрессе. В литературе, посвященной изучению этой темы, особое

³ Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 года // Сталин И.В. Сочинения. М.: Издательство «Писатель», 1997. Т. 14. С. 338.

⁴ Вольфсон С. Интеллигенция как общественная прослойка при капитализме и социализме // Под знаменем марксизма. 1939. № 8. С.16 – 38; Тандит Л. Партия Ленина-Сталина и социалистическая интеллигенция. М.: Московский рабочий, 1939. 96 с.

⁵ Историографический обзор советских исследований по данной теме см.: Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР. – Свердловск: УрГУ, 1987. – 107 с.; Соскин В. Л. Интеллигенция советской России (1917 – конец 1930-х гг.): историографический аспект // Интеллигенция. Общество. Власть / ред.: С. А. Красильников, Т. Н. Осташко. Новосибирск: НГУ, 1995. С. 5-33.

внимание уделялось следующим вопросам: участию инженеров в разработке технических проектов и в социалистических соревнованиях, роли инженеров в организации труда на производстве. Среди работ, выполненных в этой исследовательской парадигме, следует назвать, прежде всего, труды В.И. Астаховой, В.С. Волкова, С.А. Федюкина⁶.

В литературе, представляющей социологический подход, рассматривались вопросы, связанные с генезисом и формированием советской интеллигенции как особого типа, отличного от интеллигенции, существовавшей, как на Западе, так и в дореволюционной России. По мнению В.С. Волкова, «если с узко профессиональной точки зрения она [советская интеллигенция – Ю.К.] не имела коренных отличий от технической интеллигенции царской России и буржуазных стран, то характер применения технических знаний, отношение к своему труду, к рабочим стали качественно новыми»⁷.

В книге М.Е. Главацкого были названы два этапа формирования социалистической интеллигенции. На первом этапе, с 1917 по 1927 гг., «ведущими путями формирования кадров были выдвижение передовых рабочих на руководящую работу и привлечение к социалистическому строительству старой интеллигенции, получившей подготовку в дореволюционное время», а на втором этапе, с конца 1920-х гг. до середины 1930-х гг., основными источниками рекрутирования технических специалистов были выдвиженчество и система активно развивающегося среднего и высшего образования⁸. В результате, по мнению М.Е. Главацкого,

⁶ Астахова В. И. Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе. Харьков: Издательское объединение «Вища школа», 1976. 156 с.; Волков В.С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР (1928 – 1937 гг.). Курс лекций. Л.: ЛГПИ, 1975. 167 с.; Волков В. С. Партийное руководство вовлечением специалистов промышленности в стахановское движение (1935 – 1937 гг.) // Интеллигенция и развитие производительных сил социалистического общества: Сборник научных трудов. Л., 1976. С.3-16; Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. – М.: Издательство «Мысль», 1965. 254 с.

⁷ Волков В.С. Коммунистическая партия... С. 163.

⁸ «В результате среди специалистов, подготовленных в годы первой пятилетки, рабочие и крестьяне составляли почти 55% среди выпускников высшей школы и 75% - средней специальной». В годы второй пятилетки – 70% выпускников были из рабочих и крестьян. <...> перепись специалистов на 1 января 1939 г. показала, что 80-90-% специалистов с высшим образованием окончили вузы при Советской власти и свыше

сформировалась новая интеллигенция, которая «по социальным источникам формирования, мировоззрению и характеру деятельности теснейшим образом была связана с трудящимися»⁹.

О роли системы образования в процессе создания социалистической интеллигенции в 1930-е гг. писал М.Г. Власов. Он сравнил статистические данные о количестве инженеров в стране в начале первой пятилетки и в конце 1930-х гг. и, в результате, пришел к выводу о колоссальном количественном росте технических специалистов за 10 лет сталинской индустриализации¹⁰.

Одной из особенностей системы высшего образования в 1930-е гг. была его доступность для выходцев из рабочих масс. Это в совокупности с другими условиями для социального роста способствовало формированию представления о престижности инженерной профессии. О.В. Крыштановская, соглашаясь с оценкой В.С. Волкова, в своей книге написала, что в период с конца 1920-х - 1930-е гг. была создана особая общественная группа социалистической интеллигенции, в которую были интегрированы «новые инженеры», отличающиеся от «старых не только тем, что не владели тремя иностранными языками и не были обучены бальным танцам. Они составляли профессиональную группу с совершенно новыми чертами социального облика»¹¹.

К социологическому направлению в исследовании советской интеллигенции близки работы т.н. «ревизионистской» школы в западной

70% - в 1928 – 1937 гг.». См.: Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1974. С. 200 – 201.

⁹ Там же. С. 201.

¹⁰ Если в 1929 г. было «только 521 тысяча специалистов с высшим и средним образованием. В том числе в промышленности – 137 тысяч инженеров и техников. <...> На таких гигантских стройках, как Магнитка, Березниковский калийный комбинат, почти отсутствовали инженеры», то «в 1939 году в Советском Союзе насчитывалось уже 13,8 миллиона работников умственного труда. <...> На 80-90 процентов советская интеллигенция состояла из рабочих и крестьян, обученных в высших и средних учебных заведениях. <...> И только 10-20 процентов составляли представители старой, дореволюционной интеллигенции. Но эти люди за годы существования Советской власти изменились. Не осталось и следа от прежней враждебности и недоверия к Советской власти. Изменилось их положение в общественном производстве, а это радикальнейшим образом изменило их идеологию, общественно-политические взгляды. В их сознании утвердилась марксистско-ленинская идеология. Они стали органической составной частью новой, народной интеллигенции». См.: Власов М. Г. Рождение советской интеллигенции. М.: Политиздат, 1968. С. 48; 69-70.

¹¹ Крыштановская О. В. Инженеры. М.: Наука, 1989. С. 90.

исторической литературе, сложившейся в 1970-е г. По оценке В.И. Меньковского, «в центре внимания историков оказывался более широкий круг вопросов, чем тот, который интересовал сторонников тоталитарной теории. Например, западные исследователи стали уделять серьезное внимание вопросам модернизации Советского Союза»¹². Речь идет о том, что историки, принадлежащие к этому направлению, использовали исследовательский инструментарий, разработанный для изучения истории Запада к истории СССР, то есть уделяли особое внимание социальной проблематике – статусу тех или иных групп в советском обществе, конфликту интересов, формированию и функционированию современных (модернистских) социальных институтов¹³. Эти идеи «ревизионистов» признаны их противниками. Тема советских инженеров разрабатывается в работах С. Шаттенберг¹⁴. Она подчеркивает преемственность в культуре инженерного корпуса в досоветское и советское время, указывает на высокий уровень лояльности по отношению к власти у инженеров новой формации. При этом она обращается, прежде всего, к эго-документам, главным образом, к мемуарам инженеров. Одновременно она предьявляет официальный дискурс, касающийся советской инженерии: речи, газетные статьи, очерки. «Автор данной работы также стремится осветить причины, побуждавшие инженеров к активной и пассивной поддержке государства»¹⁵. Инженеры в изображении С. Шаттенберг, предстают конформистской группой, разделявшей вместе с властью технократические в своей основе идеи примата индустриализма для создания нового общества.

Архивная революция 1990-х гг. оказала, как это ни покажется удивительным, не оказала большого влияния на изучение советского

¹² Меньковский В. И. Ревизионистское направление англо-американской историографии советской истории 1930-х гг. // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования. СПб., 2008. С. 229.

¹³ См.: Cohen S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985; Hough J. The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978; Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge; New York, 1979 и др.

¹⁴ Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2011. 480 с.

¹⁵ Там же. С.6.

инженерного корпуса. Скорее всего, сыграли свою роль общекультурные причины – конец доминирования индустриализма в современном обществе. Тема инженеров в культурной ситуации консюмеризма стала маргинальной¹⁶. Социальная проблематика уступила место проблематике политической. Речь идет об изучении репрессивной политики в эпоху индустриализации против старого и нового инженерного корпуса. Изданы документы процессов против старых специалистов – «шахтинское дело»; процесс «Промпартии». Опубликованы воспоминания жертв политических репрессий. Новый импульс получило биографическое направление.

Возвращение к социальной тематике с привлечением новых материалов обнаруживается в исследованиях В.С. Терехова и Е.А. Осокиной¹⁷.

Подведем итоги. В историографии советского общества как отечественной, так и зарубежной наблюдается поворот к изучению социальной истории новой технической интеллигенции: ее культуре – производственной, политической и бытовой, условиям труда и быта, социальному статусу и престижу. Указанная тенденция пробивает себе дорогу и в жизнеописаниях людей, проявивших себя в конструкторском деле, или в техническом администрировании. В исследования вовлекается широкий круг источников, первоначально не востребуемых: эго-документы, материалы следственных дел, судебных процессов и пр. Опробуются разнообразные объяснительные концепции – от теории модернизации до теории повседневности. Отмечается вариативность жизненных стратегий участников советской индустриализации. Эти достижения исторического знания позволяют сделать следующий исследовательский шаг: перейти к реконструкции жизненного мира

¹⁶ См.: Лейбович О. Л. Социалистический завод в коллективной памяти горожан (по материалам Перми) // Уральский исторический вестник. 2016. №3. С.36.

¹⁷ Терехов В.С. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург: УрО, РАН, 2003. 244 с.; Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935 гг. М.: Издательство МГОУ, 1993. 144 с.

инженерно-технических работников как структурного элемента их повседневности в пространственно-временном континууме.

Объектом изучения являются советские инженеры первого поколения эпохи индустриализации 1930-х гг.

Предмет исследования – жизненные миры инженеров советской формации, проявляющиеся в их речевых, трудовых и потребительских практиках.

Целью исследования реконструкция жизненных миров советских инженеров, выполненная на основе изучения, преимущественно, материалов архивно-следственных дел.

Достижение целей исследования реализуется в решении следующих **задач**:

1. Выявление эвристического потенциала для исторических исследований теоретической концепции повседневности; уточнение понятийного аппарата исследования советской повседневности.
2. Изучение генеалогической компоненты в формировании жизненного мира советского инженера.
3. Реконструкция эйдоса советского инженера в литературных текстах - партийных и художественных.
4. Рассмотрение структурных элементов жизненного мира советских инженеров в их взаимодействии.
5. Определение статуса денег и материальных благ в жизненном мире инженеров.
6. Демонстрация индивидуальных жизненных траекторий советских инженеров, принадлежащих к разным социальным группам по происхождению (С.П. Мартыненко, Б.А. Бергер, А.Г. Баранов).

Хронологические рамки диссертации охватывают период с 1929 по 1938 гг.;

Территориальные рамки исследования – г. Пермь и г. Молотово (Мотовилиха), до ноября 1938 г. административно относящиеся к Свердловской области.

Методологическую основу исследования составляют две взаимодополняющие теоретические модели: концепция субъектности в интерпретации Н. Козловой, И. Халфина, О. Хархордина и Й. Хелльбека, а также концепция повседневности П. Бергера, Т. Лукмана в изложении А. Казанкова. В соответствии с концепцией субъектности формулируется идея конструирования особого советского «Я» по готовым биографическим схемам. В свою очередь концепция повседневности также предполагает исследовать вещи, отношения, социальные практики в личностной перспективе. Изучать не вещи, которые окружали советских инженеров, а те смыслы, которые они этим вещам придавали.

Источники. При написании диссертационного исследования были использованы как неопубликованные, так и опубликованные материалы.

В соответствии с темой исследования и принятой методологией главным источником должны были бы стать эго-документы, иначе говоря, источники личного характера: дневники, воспоминания, письма, либо устные рассказы о прошлом живых свидетелей прошлого – oral history. Проблема заключается в том, что к личной переписке инженеров нет доступа, даже если она сохранилась; дневники 1930-х гг. являются редкостью, так же, как и мемуары. В таком случае, представляется целесообразным обратиться к так называемой «инквизиторской антропологии»¹⁸. Речь идет о широком использовании материалов архивно-следственных дел, заведенных следователями горотдела НКВД против инженеров двух названных заводов во время большого террора. Эти дела содержатся в фондах 641/1, 643/2 Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ). Архивно-следственные дела имеют сложную структуру. В

¹⁸ Казанков А.И. Время местное. Хроники провинциальной повседневности. Пермь: ПГИК, 2016. С. 11.

них можно обнаружить источниковый материал для реконструкции отдельных фрагментов жизненного мира подследственных инженеров. По степени представленности указанных выше фрагментов жизненного мира материалы архивно-следственных дел можно условно разделить на несколько групп.

В первую группу можно включить наиболее объективные источники – это описи имущества арестованных инженеров. Вторая группа источников – это единичные материалы, которые можно приравнять к эго-документам. К ним отнесем фотографии, фрагменты частной переписки и, даже, анекдоты, записанные со слов слушателей. Третья группа источников – письма-жалобы и письма-заявления арестованных инженеров в государственные инстанции. С помощью дискурс-анализа можно реконструировать картину мира советских инженеров, основанную на представлениях о собственном «Я», об окружающей их действительности и о своем месте в большом мире. Четвертая группа – наиболее сложный для анализа источниковый материал – это сами протоколы допроса. Это машинописные тексты, которые фиксировали события согласно мало имеющему отношению к действительности сценарию следователя. Методом исследования в данном случае, является обнаружение оговорок и непредусмотренных следствием сюжетов, с помощью которых можно дополнять описание и реконструкцию жизненного мира советских инженеров.

Научная новизна диссертационного исследования определяется следующими положениями:

- его предметом, предусматривающим историческую реконструкцию жизненных миров советских инженеров, работавших на оборонных предприятиях г. Перми и г. Молотово в годы первичной социалистической индустриализации;

- методом, предусматривающим использование концепции повседневности для реконструкции жизненного мира советских инженеров новой формации;

– результатами, указывающими на то, что

а) субъектное «я» советских инженеров формировались в процессе их социального взросления в годы, предшествовавшие революции, в эпоху гражданской войны и в обстановке политических дискуссий 20-х гг.;

б) источником высокого статуса предметов потребления в жизненном мире советских инженеров являлось их функция ранговая функция – маркер их принадлежности к особо полезным членам советского общества;

в) в их жизненном мире не было жестких границ между частной и публичной жизнью - домом и предприятием.

Положения, выносимые на защиту.

Жизненный мир советских инженеров являлся сложным социокультурным образованием, включавшим в себя образы действительности, представления о собственном социальном «Я», субъектное восприятие социального пространства – своего и чужого, смысловое наполнение коллективных и индивидуальных практик.

По своему культурному наполнению жизненный мир советских инженеров представлял собой сложную комбинацию из большевистских языковых форм, заимствованного из прошлого инженерного корпоративного самосознания, трудовых ценностей, мещанских добродетелей и символов зажиточной жизни, пропущенных через опыт жизни в катастрофе – в ситуации крушения социальных институтов.

В 1930-е годы наблюдаются самые первые этапы в процессе формирования особого советского инженерного стиля поведения. На жизненный мир советских инженеров определяющее воздействие оказывали процессы социализации в иных, по преимуществу, – низовых слоях общества.

В социальных практиках советских инженеров новой формации проявились противоположные тенденции: стремление к закреплению вновь обретенного статуса и в то же время подчеркнуть свою социальную связь с

рабочим классом – в одежде, в манере обращения, в выполнении партийных нагрузок.

Практическая значимость диссертационного исторического исследования жизненных миров советских инженеров новой формации заключается в том, что на его основе созданы учебные курсы по отечественной истории и прикладной культурологии. Выводы и обобщения обращены к работникам образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, готовящих кадры для современной отечественной индустрии.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были представлены на международных конференциях: «История Сталинизма» в 2015 – 2016 гг. (г. Екатеринбург и г. Санкт-Петербург); «Социальная стратификация России XVI–XX вв. в контексте европейской истории» «Социальная стратификация России». 2016 (г. Екатеринбург), а также во всероссийском исследовательском семинаре «Архивно-следственные дела как исторический источник». 2016 (г. Москва). Кроме того, материалы диссертации обсуждались на межкафедральном семинаре «Проблемы гуманитарного знания». 2014 – 2017. (г. Пермь).

Структура диссертации включает: три главы, введение и заключение, список литературы, источников и приложения.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, обозначается объект и предмет диссертационного исследования, анализируется степень изученности проблемы, даётся характеристика теоретической, методологической и эмпирической основ работы, формулируются цели и задачи исследования, его научной новизны и практической значимости.

В первой главе – «Конструирование жизненного мира советских инженеров эпохи индустриализации» – предъявляется концепция жизненного мира применительно к историческому исследованию. На основании данной

концепции исследуются условия формирования жизненного мира первого поколения советских инженеров 1930-х гг.

В первом параграфе – «Концепция жизненного мира в исторической реконструкции культуры советских инженеров: эвристические возможности» – адаптируется социологическая концепция повседневности к историческому исследованию. Концепция повседневности предоставляет возможность понять, как повлиял прежний социальный опыт советских инженеров на их трудовые, общественные, дружеские практики, на содержание и формы их жизненного мира, который был «собран» из разнородных компонентов старой и новой большевистской идеологии, профессионального самосознания, пережитков прежних традиционных представлений о действительности, не сходящихся друг с другом ценностей, аттракторов, жизненных ориентиров и нравственных представлений. Советская повседневность обязательно включает в себя два уровня: освоенных практик и ментальных форм, придающих смысл этим практикам. Как ментальные формы, так и практики задаются властными институтами. Можно утверждать о некой слитности обыденных поступков с миром идей, образов, фантазмов, мифологий, произведенных властными идеологическими институтами.

Во втором параграфе – «Социальная генеалогия советских инженеров: формирование повседневности» – анализируются жизненные пути советских инженеров, занятых на пермских оборонных заводах в годы второй пятилетки: их социальное происхождение (условия социализации), жизненный опыт в годы гражданской войны и во время обучения в высших учебных заведениях, а также в процессе исполнения производственных и социальных функций на социалистическом предприятии.

Свое собственное место в новом социальном порядке советские инженеры первой формации видели в двух проекциях: идейной и бытовой – как героев и подвижников социалистической индустриализации, преданных советских работников и как людей, заслуживших право на экономические привилегии: хорошую квартиру, высокий оклад, предметы советской

роскоши. Это стремление к зажиточной жизни воспроизводило самые разные пласты коллективного опыта, разделяемого ими с семейным кругом в детские годы, с партийными сановниками много позже и с товарищами по профессии из Германии и США, с которыми они встречались во время продолжительных зарубежных командировок. В то же время они овладели большевистской речью, посредством которой могли интерпретировать существующую реальность в терминах классовой борьбы, или (и) строительства социализма. Такого рода языковые практики конструировали особую картину мира, общую для «сознательных советских граждан».

В третьем параграфе – «Презентация образа инженеров в советской литературе» – рассматривается литературный нарратив, при помощи которого власть участвовала в формировании социального «Я» советских инженеров. Речь идет о произведениях художественной литературы, в которых были предложены эталонные образцы для подражания или отрицания. Технической интеллигенции было предложено несколько зеркал. В одном из них был предъявлен негативный образ инженера-вредителя или инженера-консерватора – аутсайдера на «великой стройке». В другом зеркале был явлен образ настоящего советского инженера – человека молодого, сознательного, полного энтузиазма и технического новатора, освоившего фундаментальные ценности советской цивилизации.

Для литературных персонажей была свойственна увлеченность социалистическим трудом: бескорыстным, самоотверженным и коллективным. Их поведение определялось пафосом великого социалистического строительства. На их примере должны были воспитываться выпускники советских технических вузов и инженеры-практики. Художественная литература, кроме того, формировала высокий престиж инженерного труда на благо социализма.

Во второй главе – «Структура жизненного мира советских инженеров» – рассматриваются составные части эйдоса советских инженеров: образы и смыслы, воздействующие на их социальное поведение.

В первом параграфе – «Завод в жизненном мире советских инженеров» – производится реконструкция пространства, в котором проходила жизнь советских инженеров. Речь идет о двух крупных заводах: авиамоторном заводе № 19 им. Сталина и оружейном заводе № 172 им. Молотова. Рассматриваемые заводы относились к двум разным типам. Если завод № 172 был старым предприятием, то завод № 19, строительство которого началось в 1930 г., был современным и технически оснащенным заводом с московскими специалистами, бывавшими в заграничных командировках.

Для инженеров завод был освоенным местом в пространстве их жизненного мира. На заводе (в конструкторском бюро или в цехах) они много работали, реализуя себя как профессионалы инженерного дела. В жизненном мире инженеров труд был ценностью. Поэтому неудивительно, что они оставались на заводе на несколько суток или приезжали в цех по первому вызову, даже в ночное время. Если завод для советских инженеров - это место, где конструировался их профессиональный и социальный статусы, то вполне объяснимо, почему они дорожили своей работой и, можно сказать, держались за завод, проводя на нем большую часть своего времени. Уход с предприятия это – всегда вынужденная мера, это увольнение, при этом не по собственному желанию. Увольнение из предприятия союзного значения означало для специалиста, тем более молодого, утрату политического или профессионального доверия. Это наносило ущерб репутации, ставило под сомнение его пригодность как советского инженера. Прикрепление инженеров первых пятилеток к заводу гарантировало не только высокий статус в ранжированном советском обществе, где инженер, это не просто технический специалист, это всегда инженер на заводе, но и их обеспеченность определенными материальными благами.

Таким образом, завод представлял для инженеров первых пятилеток освоенный космос: понятный, требовательный, незаменимый. В нем можно обнаружить локус повседневности, за границами которого был внешний мир, менее благоустроенный, в чем-то опасный, существующий по своим законам. В этот локус повседневности входили не только собственно заводская территория, но и другие места, созданные заводом и к нему административно относящиеся: посёлок, дачи, магазины ОРС, клубы, даже особняк директора.

Во втором параграфе – «Деньги и вещи в жизненном мире советских инженеров» – выявляется статус материального достатка в ментальности советских инженеров.

Вещи исполняли роль социального маркера, необходимого в трудовом процессе. В мире вещей технических специалистов были предметы, обозначавшие их профессиональное занятие инженерным делом: готовальни и записные книжки с карандашными заметками. В мире вещей сталинских инженеров автомобиль был самым дорогим и поэтому недоступным большинству горожан атрибутом избранности. Он чаще стоял в гараже, так как в городе отсутствовали заправочные станции и дороги, пригодные для частых и дальних путешествий на машине. Таким образом, наличие у технических специалистов легковых автомобилей свидетельствовало об их успехах на заводе и привилегированном статусе.

В перечне вещей, которыми, действительно, пользовались советские инженеры необходимо выделить техническую аппаратуру западного или отечественного производства: радиолы, патефоны и фотоаппараты.

В итоге, получается следующая иерархия вещей советских инженеров. Помимо готовальни, маркирующей профессиональный статус ее владельца, у них были «западные изделия» (фотоаппараты, радиолы) и автомобили. Они формировали мир вещей советских инженеров как носителей культуры модерна. К традиционным символам достатка можно отнести золотые часы и шерстяной костюм-тройка. Судя по наличию домашних библиотек, музыкальных инструментов (фортепиано), можно предположить, что

инженеры стремились вести интеллигентный образ жизни. Изучение описей вещей позволило прежде сделать вывод о принадлежности советских инженеров во второй половине 1930–х гг. к среднему классу. Они владели дорогими и статусными вещами: автомобилями, часами, радиолами и фотоаппаратами, в том числе и импортного производства.

В третьей главе – «Жизненные пути советских инженеров: биографический аспект» – произведена реконструкция восходящей социальной мобильности советских инженеров эпохи первых пятилеток, которые родились в последние два десятилетия XIX в. или первое десятилетие XX в. Рассматривается три варианта социального восхождения. В первом случае, от рабочего в дореволюционной России до начальника цеха в советской России. Во втором случае речь идет о карьере выходца из черты оседлости, ставшего инженером-конструктором артиллерийских систем. В третьем случае воспроизводится жизненный путь человека, принадлежавшего в юности к предпринимательскому слою.

Во первом параграфе – «Казус С.П. Мартыненко» – произведена реконструкция социальной карьеры рабочего-металлиста, ставшего крупным администратором на заводе № 19. Особый акцент сделан на том, как это человек адаптировал реальные факты под правильную биографическую схему: что-то пропускал, что-то акцентировал, что-то заново интерпретировал. Жизненный мир С.П. Мартыненко формировался в различных исторических обстоятельствах и в нескольких социальных кругах: рабочей среде, в обществе людей «среднего класса» в старой России, в окружении красногвардейцев, среди инженеров и партийных работников. В партийной характеристике 1923 г. его квалифицировали «марксистом-практиком, умеющим ориентироваться в политической обстановке». В переводе с партийного языка это означало его умение быть своим в любом социальном окружении, одновременно, не теряя собственного «Я». Большевистским языком он овладел, знал, что такое «самокритика», «непримиримость», «бдительность» и пр. При этом оставался человеком,

знающим толк в добротных вещах, умеющим создавать семейный быт. Интеграция С.П. Мартыненко в мир советских инженеров новой формации вряд ли была полной: он отличался от них социальным происхождением, возрастом, опытом участия в социал-демократическом подполье, явной умеренностью во взглядах.

Во втором параграфе – «Казус Б.А. Бергера» – рассматривается жизненный путь молодого человека, вышедшего из черты оседлости. Содержание жизненного пути Б.А. Бергера может быть описана в двух проекциях – национальной (этнической ассимиляции) и социально-профессиональной инкультурации. Эти процессы были заданы условиями социалистической реконструкции, с одной стороны, а с другой, сознательным выбором жизненной стратегии. Борис Бергер «обменял» традиционную еврейскую судьбу – стать ремесленником, или торговцем (кооперативным, частным, государственным) на путь русского рабочего в советской стране. Уехать в промышленный город – точнее в рабочую слободу, получить рабочую профессию, жениться на местной жительнице, вступить в партию «рабочим от станка», получить путевку в технических вуз, окончить его и приступить к конструкторской работе. В условиях острой нехватки инженерного персонала молодой специалист смог выполнять сложнейшие обязанности – фактически выступать в роли генерального конструктора в возрасте 30 – 33 лет, при этом добиваться впечатляющих успехов и одновременно умножать число недоброжелателей. В итоге деловое соперничество в ситуации террора завершилось жизненной трагедией.

Во третьем параграфе – «Казус А.Г. Баранова» – предъявляется биография человека, вышедшего из буржуазной среды, обучавшегося инженерному делу в Цюрихе и вернувшегося в Россию после Октябрьского переворота. Арон Баранов еще до революции сделал сознательный выбор технической специальности. Он закончил гимназию в Женеве, после которой мог выбирать, на кого учиться дальше: на юриста, адвоката или инженера. Он выбрал инженерную специальность. Главная черта, которая отличала

Арона Баранова в любой жизненной ситуации – это развитое чувство собственного достоинства, не позволяющее ему приспособливаться к обстоятельствам, подличать и быть конъюнктурщиком. Даже в трагической ситуации он оставался верным своим принципам.

В *Заключении* подведены основные итоги и сформулированы выводы. Концепция жизненного мира, интегрировавшая в себя исследовательский потенциал историко-антропологического подхода, обладает достаточными эвристическими возможностями для описания субъектной компоненты социальных практик советских инженеров, их представлений о действительности, способов идентификации – конструирования собственного «Я» в новых социальных условиях, жизненных ориентаций и предпочтений.

Несмотря на зафиксированную многоликость жизненных миров советских инженеров, работавших на оборонных предприятиях в г. Пермь, ментально их объединяла очарованность большим советским проектом и лежащие в ее основе идеи индустриализации, модернизации и технического прогресса.

Представления о собственной значимости и конструирование своего «Я» происходило в заданном социокультурном контексте, в соответствии с принятыми и воспринятыми ими моделями поведения. Поэтому особое значение приобретали потребительские практики, деньги, ценные вещи, в которых они искали и находили подтверждение своего высокого статуса.

Список основных публикаций по теме диссертации
Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Колчанова Ю.С. Мир вещей советского инженера в 1930-е годы (по материалам пермских архивов) // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2015. – № 1(28). С. 220–227.
2. Колчанова Ю.С. Жизненный мир советских инженеров 1930-х гг. в зеркале архивно-следственных дел: источниковедческий анализ // Вестник архивиста. – 2017. – № 2. С. 115–127.
3. Колчанова Ю.С. «Не склочник и не группировщик. Хороший организатор». Казус С.П. Мартыненко // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2017. – № 4 (39). С. 92–100.
4. Колчанова Ю.С. Социальная генеалогия первого поколения советских инженеров 1930-х гг.: формирование повседневности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2017. – № 4 (42). С. 37–45.

Публикации в иных изданиях:

5. Колчанова Ю.С. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Социалистический город как производственное и повседневное пространство в советском обществе // «Диалоги об искусстве»: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Пермь, 29 окт. 2013). Ч. 1 / отв. ред. А.А. Лисенкова. – Пермь: Перм. гос. акад. искусства и культуры, 2014. С. 219–226.
6. Колчанова Ю.С. Советская повседневность и жизненный мир советского инженера // Город как вызов: сб. статей междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–17 мая 2014 г.) / под общ. ред. О.В. Игнатъевой. – Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2014. С. 140–144.
7. Колчанова Ю.С. «Инженерова дочь»: жизненный мир советского разнорабочего в письмах во власть. 1961–1994 гг. // После Сталина. Реформы

1950-х гг. в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII Международной научной конференции из цикла «История сталинизма». Екатеринбург, 15-17 октября 2015 г. – М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2016. С. 570–578.

8. Колчанова Ю.С. Конструирование советской технической интеллигенции в 1930-е гг.: дискурсы и практики // Культура и власть в СССР. 1920-е – 1950-е гг.: Материалы IX Международной научной конференции из цикла «История сталинизма». Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016. – М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина. С. 263–271.

Монография:

9. Колчанова Ю.С. «Не личная выгода меня держала здесь...». Жизненные миры советских инженеров в 1930-е годы: монография. – Перм. гос. ин-т культуры, 2017. 152 с.